

ИСТОРИЯ

Э. Б. ПЕТРОВА

ГРЕКИ И “ВАРВАРЫ” АНТИЧНОЙ ФЕОДОСИИ И ЕЕ ОКРУГИ В VI-II вв. до н.э.

Крайне ограниченные данные источников - как письменных, так и археологических - все еще не позволяют создать достаточно ясную этническую картину города Феодосии и его округа в античное время. Попытка собрать воедино все имеющиеся на сегодняшний день сведения по интересующей нас теме привела к следующим результатам.

Соседями основанного в середине - второй половине VI в. до н.э. милетскими колонистами города Феодосии на западе и юго-западе были обитавшие в горах тавры, на севере - степные скифы (Страбон. VII. 4.4; Арриан. Перипл. 30; Плиний. Ест. ист. IV. 86; Пс.-Скилак. Перипл. 68). Враждебность тавров и недостаток плодородных земель в горной области Крымского полуострова заставили греков-колонистов основать свои поселения на границе с таврами. Такими пограничными городами стали Керкинитида на западе и Феодосия на востоке. Тавры не могли препятствовать оседанию эллинов, которые поселились на морском побережье равнинного Крыма, на плодородных землях с нестабильным и малочисленным населением. К таковым относились скифы-кочевники, чей общественный строй достиг уровня, позволяющего вступать во взаимовыгодные контакты с греками. Ясно, что ни у тавров, ни у скифов не было причин противиться поселению пришельцев на берегу Феодосийского залива.

Известно, что эллины довольно редко основывали свои колонии в необжитых местах. Раскопки на феодосийском Карантине дали фрагменты лощеной лепной керамики конца VI-IV вв., а одна находка - край сосуда с процарапанным орнаментом - датируется VII - началом VI в. (1, с. 144, рис. 58,1; с. 146,147). Такую посуду греки не делали. Естественно, возникает мысль, что представители местных племен жили здесь до и после основания Феодосии. И все-таки вопрос о существовании догреческого поселения на месте античной Феодосии остается открытым - слишком мало свидетельств в его пользу.

Уровень наших знаний не позволяет с уверенностью провести границу, отделяющую в V - начале VI в. владения Феодосийского государства от варварских земель. Некоторые исследователи включают в городскую хору могильник начала V-IV вв. у с. Фронтное, что в 20 км на северо-восток от Феодосии, на Ак-Монайском перешейке. Его грунтовые погребения обычно связывают с рядовым оседлым населением местного происхождения, в котором видят и обитателей Крыма доскифского времени, и группу таврских племен, испытавшую влияние скифов. (А. Масленников полагает, что в VI-V вв. в окрестностях Феодосии обитало смешанное тавро-скифское население), и оседлых скифов (2, с. 205; 3, с. 46,55; 4, с. 84; 5, с. 22; 6, с. 234; 7, с. 34-37). Некрополь имел прямое отношение к поселению, расположенному в 400 м к востоку от него. Еще одно селище открыто у с. Айвазовское, севернее г. Старый Крым (8, с. 64-73; 6, с. 58, 72-75; 9, с. 129-130). Расстояние от него до Феодосии примерно такое же, как до Фронтного.

И.Кругликова датировала этот памятник концом V-III вв. и связывала с таврами, основываясь на сходстве его лепной лощеной керамики с посудой из других известных таврских мест. Немаловажно и то, что само селище находилось в области обитания таврских племен. Близкие результаты принесли раскопки у с.Журавки, северо-западнее Феодосии (10, с. 378-379; 11). Но здесь, помимо античной и таврской керамики, оказались nelloщенные лепные сосуды, выполненные в скифской манере. Родственно двум последним по времени появления и характеру известное пока только по разведкам селище у с.Новопокровка, в 4 км севернее Журавок (12, с. 4; 13, с. 10).

Для скифов и тавров, оставивших упомянутые могильник и поселения, Феодосия была ближе всех других греческих городов. Взаимные контакты оказались выгодными обеим сторонам. Входила ли территория этих памятников в черту Феодосийского полиса? Мы можем предположительно дать пока только такой ответ: селища местных племен, теснейшим образом связанных экономически с эллинами, соседствовали с городской хорой и могли входить в территорию, зависимую от полиса. Формой организации такого рода "подконтрольной" территории была кома, деревня, платившая городу налоги (14, с. 84-86). Иными словами, Феодосия обладала малой, или собственно городской хорой, разделенной на участки граждан, и хорой большой, включавшей селища варваров. Первая кормила город (излишки вывозились); вторая поставляла пшеницу, отправлявшуюся из феодосийского порта в далекую Грецию.

Если обратиться к карте сельских поселений Восточного Крыма VI-III вв. до н.э. (6, с. 254, рис. 101), бросается в глаза обилие их на севере и востоке, недалеко от городов Керченского пролива, и почти полное отсутствие в районе между Арабатским заливом, с одной стороны, Узунларским озером и мысом Чауда - с другой, то есть там, где не было близости городов. Появляются они вновь в центре Ак-Монайского перешейка и далее опускаются цепочкой на юго-запад вплоть до Феодосии. Небольшое скопление сел наблюдается в районе Старого Крыма. Естественным было бы связать эту западную группу поселений Восточного Крыма с единственным в данном месте городом - Феодосией. Разумеется, далеко не все они существовали уже в V в., большинство появилось позже, в IV и III вв. до н.э., когда хора Феодосии расширилась.

Аборигены обитали не только на большой хоре, они проникали и на территорию собственно Феодосийского государства. Опираясь на материалы раскопок прошлого столетия, М.Ростовцев охарактеризовал курганный некрополь Феодосии как греческий, не имеющий погребений местного или смешанного типов, то есть таких, в которых присутствовали бы элементы варварских обычаев, как, например, в некрополях городов соседнего Боспора (15, с. 251-253; 16, с. 121-127; 17, с. 278-282; 18, с. 1-9; 12, с. 14-18). Вскрытые в Феодосии ранее (раскопки А.Сибирского, И.Айвазовского, А.Люценко), а также в конце 70-х - начале 80-х гг. текущего столетия (раскопки ФКМ) погребения, действительно, демонстрировали чисто эллинский погребальный обряд с кремацией как важнейшим его атрибутом. И все-таки резонно предположить, что, расположенная на значительном по тем временам расстоянии от других эллинских городов, окруженная местными племенами и тесно связанная с ними экономически, Феодосия просто не могла полностью отгородиться от соседей и не принять какую-то часть их в число своих жителей. Примеры такой изоляции крайне редки в истории греческих колоний. Кроме того, нужно учесть, что раскопанные в окрестностях города погребения

ния принадлежали зажиточным гражданам, в том числе аристократии; могилы рядового населения, в состав которого в основном и входили представители местных племен, пока остаются неизвестными.

Взаимоотношения с варварами складывались по-разному. Когда обмениваясь товарами, враждовать нет смысла. Однако и скифы, и греки были заинтересованы в приобретении хороших земель и пастбищ, а соперничество не способствовало дружелюбию. Не исключено, что Феодосия приняла участие в конфликте между греками и скифами, ускорившем объединение боспорских городов, хотя и не вошла в состав симмахии. Начавшийся процесс перехода скифов от кочевого скотоводства к оседлому земледелию, с одной стороны, укреплял экономические связи с аборигенами, с другой - порождал конфронтацию опять-таки из-за плодородных и удобных для жизни земель. Активизация скифов была также связана с укреплением их общественного строя и государственности. И, возможно, что свой, в конечном итоге, победоносный поход против Феодосии Левкон I смог осуществить благодаря нейтралитету, а может быть, и военной помощи скифов (5, с. 21,43).

Численности городского и сельского населения Феодосийского государства увеличивалась не только за счет естественного прироста и притока соседних варваров, но также, видимо, благодаря прибытию беженцев из Ионии: известно, что на рубеже VI-V вв. до н.э. резко осложнились взаимоотношения ее жителей, в том числе милетцев, с Персией. Новая волна поселенцев в это время отмечена для некоторых боспорских городов (19, с. 33-37). Уже то, что феодосийцы осмелились противостоять объединению городов Боспора, - свидетельство их силы и, наверное, немалой численности (в то время как первоначальная численность городского населения была крайне невелика: количество колонистов колебалось от ста до тысячи человек (20, с. 241).

При Левконе I, в 70-х или уже в конце 80-х гг. IV в. до н.э., Феодосия и ее сельская округа становятся частью Боспорского государства. Теперь соседом тавров на востоке стало не небольшое полисное государство, каковым была Феодосия, а могущественное царство. Феодосия со своей округой превратилась в его пограничную область. Скифы же Керченского полуострова, а также смешанное тавро-скифское население вместе с феодосийцами оказались в составе монархии Спартокидов. Потеря политической независимости, однако, не привела к экономическому упадку, напротив, IV - первая половина III в. до н.э. стали для Феодосии временем экономического и культурного процветания. Левкон поспешил воспользоваться всеми преимуществами, которые сулило обладание феодосийской гаванью, и устроил там новый порт, не уступавший пантикапейскому - главному столичному порту государства (Демосфен. XX. 33; Страбон. VII.4.4). Победитель эффективно использовал новый порт. По словам Страбона (VII.4.6), он послал из Феодосии афинянам 2 млн. 100 тыс. медимнов (более 86 тыс.т) пшеницы. Левкон проводил хорошо продуманную политику, направленную на свои собственные торгово-экономические выгоды, а заодно и на более прочное прикрепление к своим владениям с трудом завоеванного города и соседних с ним районов. С присоединением Феодосии Спартокиды приобретали не только богатый город с прекрасной гаванью, но и плодородные земли, бывшие в его подчинении и населенные как греками, так и, видимо, в большем числе, варварами. Левкон стремился в некотором роде переориентировать экономику Феодосии, а именно: сделать ее хору важнейшим поставщиком хлеба и значительно расширить торговые возможности пор-

та, при этом существенно сократить объем иных производств. Если это так, то односторонность в развитии экономики ставила жителей города и его округи в зависимость от ввоза (в том числе боспорского) и укрепляла власть Спартокидов над ними. Вероятнее всего, из феодосийского порта за рубеж переправлялась пшеница, выращенная в соседних с городом степях, на землях Керченского полуострова (вряд ли было рационально везти хлеб издалека, тем более, что города Керченского пролива имели свои порты).

Раскопками и разведками последних десятилетий в округе Феодосии открыто значительное число мест с античными памятниками IV-II вв. до н.э. В одних случаях это хорошо различимые поселения или их некрополи, в других - следы поселений в виде развалов камней и скоплений керамики. Ближайшие от города поселки находились в радиусе до десяти, отдаленные - двадцати и немногим более километров. Они известны на морском побережье: разведки принесли множество фрагментов эллинской керамики в 3-х км от древнего города (в пределах современной городской черты Феодосии, на территории спортивной базы "Динамо") и на юго-западной окраине с.Береговое. Не вызывает возражений предположение Е.Катюшина, что прибрежная зона была районом эллинских сельских усадеб с преобладающей культурой винограда, и именно она частично или полностью оказалась под водой вместе с основной массой античных памятников (13, с. 13-15). Селились у подножий и на склонах гор, окаймлявших Феодосию с юга и юго-запада. Здесь было удобно выращивать виноград, пасти овец и коз. Судя по характеру археологического материала, этот район был заселен этнически неоднородным населением - и греками, и варварами. Разведками на северном склоне горы Тепе-Оба, в 4,3 км западнее античной Феодосии, выявлено поселение IV-II вв. до н.э. с фрагментами как эллинской, так и типично варварской керамики (12, с. 12). Поселения и отдельные усадьбы наверняка были и у подножия хребта Биюк-Янышар.

Ценные сведения о характере землевладения на хоре Феодосии содержатся в речи Демосфена "Против Лакрита" (XXXV, 31 сл.). В ней говорится о торговом судне некоего Лакрита, шедшем из Патикалаея в Феодосию и потерпевшем крушение. По показаниям хозяина судна и свидетелей, на нем находилось 80 амфор прокисшего косского винца и 11-12 сосудов соленой рыбы. Этот груз предполагалось отвезти в Феодосию для "какого-то землевладельца, на продовольствие полевым рабочим..." Скорее всего, речь идет не о рядовом земледельце, а о хозяине значительного по размеру участка на гродской хоре. Такое хозяйство обслуживалось полевыми рабочими - эргатами (для них и предназначались прокисшее вино и соленая рыба), в которых одни исследователи склонны видеть наемных работников, другие - рабов (21, с.168-171; 22, с.113-114).

На равнинных просторах между побережьем Феодосийского залива и р.Чуруксу, в северном направлении от Феодосии, цепочкой протянулись поселения аборигенов, раскопки и разведки которых дали немалое количество изделий эллинских мастеров. Остатки этих селищ прослеживаются близ сел Виноградное, Отважное, Бл.Боевое, Тамбовка, Журавки, Новопокровка, Владиславовка, на Ак-Монайском перешейке и сразу за ним - у сел Фронтное, Холмогорка, Ячменное, Семисотка, Батальное. Другая группа памятников, оставленных также неэллиническим населением, пользовавшимся в быту предметами античного производства, отделена от перечисленных рекой Чуруксу и расположена в районе г.Старый Крым - у сел Айвазовское, Абрикосовка, Романовка, Гоголевка, Донское (6, с. 254, рис.

101; 23, с. 328; 11; 12, с. 4-5; 13, с. 6 сл.). Входили ли в территорию феодосийской хоры наиболее отдаленные из этих пунктов с преобладающим аборигенным составом населения или же они располагались на царских землях, а может быть, некоторые вообще за пределами Боспорского государства? Вопрос сложный, его решение требует дополнительных археологических исследований. Но известно, что в IV в. до н.э. расширилась сельская территория городов Боспора, увеличился вывоз хлеба за его пределы и что феодосийский порт играл в этом далеко не последнюю роль: через него за рубежи государства шла пшеница, выращенная на соседней с городом равнине. На расширении феодосийской хоры и увеличении численности ее сельских поселений могла сказаться и левконовская политика покровительства городу. По мнению Е.Катюшина, южный фланг западной границы Боспорского царства и, видимо, одновременно феодосийской хоры проходили по довольно крутым склонам хребтов Бюк-Янышар (протяженность - 6 км) и Узун-Сырт (протяженность - 7 км). Нам представляется наиболее правильным предположительно провести эту пограничную линию далее на северо-восток по такому естественному рубежу, как река Чуруксу. В этом случае группа поселений, расположенных западнее реки, окажется в непосредственной близости от данной границы.

Большинство окрестных поселений предполагаемой хоры Феодосии находилось в глубинных районах, порой на значительном расстоянии от морского берега. Не все они возникли или продолжали существовать в IV в. до н.э., часть их датируется более поздним временем - III или II в. до н.э. Памятники IV в. в целом немногочисленны, чаще всего они выявляются подъемным материалом или небольшим скоплением керамики и камней. Наиболее изученными остаются селища у Айвазовского и некрополь около Фронтowego. У с.Айвазовское открыт канал, действовавший в IV-III вв. до н.э. (8, с. 70; 6, с. 72). Вероятно, он составлял часть ирригационной системы и давал воду жителям окрестных селений. Источники и каналы, более многоводная в прошлом р.Чуруксу создавали благоприятные условия для развития земледелия в этом крае. Феодосийцы снабжали привозными из Греции, боспорскими и своими собственными товарами живших поблизости от них аборигенов. Значительное количество керамической тары гераклейского, синопского, фасосского, в меньшей степени родосского, косского, херсонесского, собственно боспорского производства дали разведки и раскопки поселений на Бюк-Янышаре, Тепе-Оба, у сел Журавки, Айвазовское, Донское. Основная масса импортной керамики приходится на IV-II вв. до н.э., в большинстве случаев она составляет половину и даже более всех найденных керамических фрагментов. В погребениях керамики мало, но части гераклейских, синопских, фасосских амфор раннеэллинистического времени найдены при раскопках могильника Фронтowego.

Итак, хора Феодосии, как и других боспорских городов, состояла из мелких, средних и какого-то числа крупных хозяйств, но, видимо, включала и селища варваров, порой сильно эллинизованных. Греки обитали на землях городской хоры на правах хозяев или наемных работников, аборигены - наемных или полузависимых земледельцев, а также рабов.

Основной контингент горожан на Боспоре составляли греки. К Феодосии это может иметь, пожалуй, большее отношение, чем к другим городским центрам. Для ее курганного некрополя характерен греческий обряд кремации, а сопровождающий погребенных инвентарь носит чисто эллинский облик. Эллинские традиции, конечно же, прослеживаются и по материалам городских слоев (24, с. 185 сл.; 1,

с. 143 сл.; 25, с. 399 сл.; 26, с. 68 сл.). Предполагают, что в IV-III вв. на Боспор устремились греки из разных районов Эллады, включая очень далекие (для Греции это было время серьезных перемен, кризисных ситуаций, потери независимости). Город-порт Феодосия не мог не принять часть переселенцев. Среди горожан было много мореплавателей, судостроителей, кушцов, тех, кто связал свою жизнь с морем и торговлей. В городе проживало довольно много зажиточных людей, во всяком случае, именно так можно определить уровень благосостояния погребенных в его курганном некрополе. Об этом свидетельствуют и надгробные памятники (КБН, №№ 948-950), и погребальный инвентарь. Умерших снабжали в загробный мир вещами, которые можно квалифицировать как произведения искусства. Среди них много импортных. Это прекрасные статуэтки, тончайшие украшения из драгоценных металлов, хорошей работы изделия из дерева, камня, кости. Такие вещи могли покупать люди достаточно обеспеченные и имеющие хороший вкус. Городские жители пользовались не менее высококачественной привозной посудой. Все это контрастирует с довольно бедным инвентарем погребений и скромными жилищами обитателей деревень Восточного Крыма, в том числе тех, что располагались по соседству с Феодосией или на ее хоре и были заселены представителями местных племен. Как и в любом эллинском городе, в Феодосии значительную часть населения составляли ремесленники, особенно строители и кораблестроители, гончары, металлурги. Они обеспечивали потребности в продуктах своего труда жителей города и хоры, греков и варваров. В их среде были люди разного достатка. Мы очень мало знакомы с жизнью простых горожан, поэтому ценным представляется замечание Э.Штерна по поводу граффити из Феодосии: судя по незначительности дара и неуклюжести почерка, сосуды с надписями были принесены в дар богам людьми простыми или даже бедными (27, с. 172).

В конце III-II вв. до н.э. резко сокращается количество сельских поселений на территории эрозийского Боспора, уменьшается роль хлебопашества. Сельская округа Феодосии не составляла исключения. Были покинуты жителями многие места с преобладающим варварским составом населения, например, у сел Фронтное, Айвазовское, Журавки и другие. В ближайшей округе города, которую мы без оговорок включаем в территорию его хоры, разделенной на участки и обжитой в основном греками, жизнь продолжалась. III-II вв. до н.э. датируются укрепленные поселения на юго-западной границе феодосийской хоры, возникшие, как считают, в результате новых стратегических условий (12, с. 5-12, 28; 13, с. 11-13). Это поселения на холме Биюк-Янышар (у с. Южное-Подгорное) и на северном склоне горы Коклюк (в 3,6 км западнее селения на Биюк-Янышаре). Земляным оборонительным валом окружается селище на Тепе-Оба. Надо полагать, они стали звеньями в цепи укрепленных поселений, в задачу которых входила защита юго-западных рубежей государства. Не случайно названные памятники оказались на вершинах или склонах гор, служивших естественной границей царства Спартокидов. Их исследователь Е.Катюшин вполне резонно полагает, что боспорцы отводили важную роль в охране своих границ укрепленным варварским поселениям, этническую принадлежность которых трудно установить, ибо культура их испытала сильное влияние со стороны соседей и обрела своеобразный облик. Иными словами, население феодосийской хоры, как и прежде, отличалось этнической пестротой, а ее юго-западные области теперь выполняли функцию охраны рубежей самого крупного и значительного государства в Северном Причерноморье. В конце II-I вв. до н.э. жизнь на многих поселениях европейского Боспора прекращается, в том

числе и в сельской округе Феодосии, как и в других районах Керченского полуострова.

Этнические процессы на побережье Феодосийского залива и примыкавших к нему территориях отличались своеобразием. Более сотни лет Феодосийский полис сохранял независимость по отношению к Боспору. Его внешние связи, в первую очередь коммерческие, были широки и составляли конкуренцию боспорским городам. Вывоз пшеницы в Грецию играл ведущую роль в этих связях, а значит, полис жизненно нуждался в пахотных землях. Расширение его границ должно было происходить за счет "варварских" земель. Следовательно, роль аборигенов в экономической жизни города и хоры была значительной. Она усиливалась и территориальной изоляцией Феодосии по отношению к основной массе городов Керченского пролива и ее автаркией (она не вошла в состав симмахии). Проблема взаимоотношений с ближайшими соседями - аборигенами - была для феодосийцев в тот период актуальнее, чем с родственными по крови эллинами. В дальнейшем, после потери независимости, Феодосия и ее округа составили пограничные области на западных рубежах Боспорского государства. И в этой ситуации ее положение было отличным от того, в котором находились города Керченского пролива. Склад жизни в пограничье, постоянная угроза военных нападений порождали во все времена некоторые особенности, отличавшие эти области от центральных, например, военизацией быта, взаимоотношениями между людьми, психологическим настроением населения, отдельными элементами культуры. Так, надо полагать, обстояло дело и в нашем случае. На окраинах крупного по античным масштабам государства - Боспорского царства - греки и варвары оказывались перед необходимостью решать общую задачу - оборона рубежей от вражеской угрозы, а это спланивало. Причем, в случае с Феодосией, эта задача была не временной, а постоянной, ибо она всегда вошла в состав Боспорского государства и разделяла его судьбу на протяжении многих веков. Справедливо предположить, что в ее округе, на вершинах и склонах хребтов, в укрепленных поселениях жили защитники западных рубежей государства. Это были местные жители, потомки тех аборигенов, с которыми некогда столкнулись основатели Феодосии, но также, возможно, и воины-наемники, бывшие на службе у правителей. Известно, что с начала IV в. на Боспоре широкое развитие получает наемничество (29, с. 298-307). Профессиональные воины, в основном, представлены греками и фракийцами. С конца III-II вв. до н.э. все большую роль в боспорской армии играют скифские воины-союзники, а также синды и меоты. Не исключена возможность, что своих воинов Спартокиды расселяли ближе к границам государства. На восточных рубежах охранительные функции выполняли синды и меоты, на западных - фракийцы и скифы.

Иными словами, греки-феодосийцы - и горожане, и сельчане - всегда жили в окружении других народов, несомненно, заимствовали какие-то формы их жизни и быта, однако влияние эллинов на варваров было более значительным. Жившие в городе и на территории его хоры варвары довольно быстро воспринимали более высокую культуру и быт греков. Феодосию иногда сравнивают с расположенным на востоке боспорским городом Горгиппией. Сравнение правомерно. Однако Феодосия всегда оставалась эллинистическим городом, она была напрямую, без посредников, связана с разными регионами Греции. Знаменитый феодосийский порт был традиционно открыт для греческих купцов и путешественников, город неоднократно принимал переселенцев из Эллады.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Зеест И.Б. Раскопки Феодосии // КСИИМК. 1953. Вып.51.
2. Цвек О.В. Могильник скифського і сарматського часу на Керченському півострові // Археологія. 1968. Т.21.
3. Корпусова В.М. Про населення хори античної Феодосії // Археологія. 1972. №6.
4. Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев: Наук. думка, 1983.
5. Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI-II вв. до н.э. М.:Наука, 1981.
6. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
7. Яковенко Э.В. Скифи східного Криму в V-III ст. до н.е. Київ: Наукова думка, 1974.
8. Кругликова И.Т. Разведки в старо-крымском районе в 1956 г. // КСИИМК. 1959. Вып.74.
9. Лесков А.М. Горный Крым в I тыс. до н.э. Киев: Наук. думка, 1965.
10. Петерс Б.Г., Айбабина Е.А., Катюшин Е.А. Раскопки Феодосийской экспедиции // АО 1975 г. М., 1976.
11. Катюшин Е.А. Отчет об охранном археологическом обследовании поселения V-III вв. до н.э. в с.Журавки. 1975 г. // Архив ФКМ.К.п. 6053. Н.А.-263.
12. Катюшин Е.А., Айбабина Е.А. Отчет о раскопках экспедиции ФКМ в окрестностях Феодосии. 1977 г. // Архив ФКМ. К.п. 26671. Н.А.-369.
13. Катюшин Е.А. Задачи исследования сельской территории античной Феодосии. 1977 г. // Архив ФКМ. Д. №34.
14. Свенцицкая И.С. Положение зависимого населения в Малой Азии V-IV вв.. до н.э. // ВДИ. 1967. №4.
15. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л.: Изд-во РАИМК, 1925.
16. Извлечение из Всеподданейшего Отчета об археологических изысканиях в 1853 г. СПб.: Тип.Имп.АН, 1855.
17. Археологические розыскания близ Феодосии // Древности. Археологический вестник. 1868. Ноябрь-декабрь.
18. Катюшин Е.А. Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии археологического отряда ФКМ в 1982 г. // Архив ФКМ.Д. №33.
19. Долгоруков В.С. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. 1990. Вып.197.
20. Яйленко В.П. Греческая колонизация VII-III вв. до н.э. М.: Наука, 1982.
21. Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
22. Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.-Л., 1955.
23. Катюшин Е.А., Айбабина Е.А. Раскопки в окрестностях Феодосии // АО 1977 г. М., 1978.
24. Зеест И.Б. Разведочные раскопки в Феодосии // КСИИМК. 1951. Вып.37.
25. Петерс Б.Г. Археологические раскопки в Феодосии // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979.
26. Петерс Б.Г., Голенцов А.С. Археологические раскопки Феодосии в 1975-1977 гг. // КСИА. 1981. №168.
27. Штерн Э.Р. *Graffiti* античных сосудов из Южной России // ЗООИД. 1897. Т.20.
28. Катюшин Е.А. Отчет о раскопках поселения IV-II вв. до н.э. на г.Биюк-Янышар в 1981 г. // Архив ФКМ. К.п. 40314. Н.А.- 498.
29. Сокольский Н.И. О наемниках на Боспоре в IV-III вв. до н.э. // СА. 1958. Т.28.

PETROVA E.B.
THE GREEKS AND BARBARIANS OF ANCIENT THEODOSIA
IN THE 6th - 2nd CENTURIES.C.
Summary

For more than a century Theodosia polis had remained independent in relation to Bosphoros. Its foreign relations, first of all commercial offered business competition to Bosphoros cities. The import of grain into Greece was of great importance to these relations, polis was in need of arable plowed lands. The extension of its borders was the result of capture Barbarians' territories. The role of aborigines (the Scythians, Taurus) in economic life of the city and chora was significant. The problem of inerrelations with the nearest neighbours was for Theodosians more relevant than with the Hellenes, related by blood. Having lost its independence, Theodosia and its neighbourhood became frontier regions on the Western borders of Bosphoros state. The way of life in frontier regions, constant threat of war gave birth to some peculiarities, which made these regions different from central ones in militarizing daily life, interrelationships between people, psychology of the population, some elements in culture. In outlying areas of the Bosphoros Kingdom the Greeks and Barbarians faced the necessity to solve mutual tasks - to defend their borders and themselves from hostile threats. In the outskirts of Theodosia, on the tops and slopes of mountain ranges, defenders of the western frontiers of the state lived in fortified settlements. They were local inhabitants, descendants of those aborigines, who collided with the founders of Theodosia, and, probably, mercenaries, who served to rulers (the Thracians, Scythians) as well.